

---

детектив - событие

---

Читайте детективы Евгении Михайловой, в которых истина и любовь побеждают всегда, несмотря на самые тяжелые испытания!



Сломанные крылья	Мое условие судьбе
Закат цвета индиго	Разрушительная красота
Сломанные крылья	Плата за капельку счастья
Закат цвета индиго	Встреча в час волка
Спасите наши души	Роль любимой женщины
Две причины жить	Верность как спасение
Апостолы судьбы	Ночная радуга
Последнее прости	Изменить одиночеству
Исповедь на краю	Мужчина несбывшейся мечты
Танцовщица в луче смерти	По осколкам разбитого зеркала
Длиннее века, короче дня	Струны черной души
Вечное сердце	Отпущение без грехов
Как свежи были розы в аду	Имитация страсти
Совсем как живая	Жизнь вопреки
Испить чашу до дна	Перевернутый мир
Солнце в крови	Вместо громких слов
Бегущая по огням	Синдром Дездемоны
Темные тени нехорошей квартиры	Окна в облаках
Во мраке сверкающих звезд	Всматриваясь в пропасть
Город сожженных кораблей	Утешение изгоев
Женщина с глазами Мадонны	

Все персонажи и события романа вымышленные. Совпадения с реальными фактами случайны.

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

## ГОЛОЛЕД

Ирина с трудом сдерживала желание пробежать душный вестибюль магазина, расталкивая неуклюжие и неторопливые фигуры, окутанные тяжелой одеждой и прикованные к полу огромными пакетами с едой. Она сейчас задохнется без глотка свежего воздуха, у нее осталась единственная потребность — вырваться на свободу из очередного, хронического, ставшего нескончаемым плена.

Ну, вот — порог, нахмуренное, недоброе, но хотя бы безграничное небо. За сорок минут, проведенных Ирой в магазине, оно совсем потемнело. Ирина натянула капюшон куртки на голову, убрала со лба взмокшую прядь темных волос. Почувствовала себя на мгновение освобожденной и легкой... И вдруг она уже в коротком и неотвратимом полете. Пакеты с покупками летят в стороны, ноги беспомощно скользят по обледеневшей плитке, и все, что она может сделать для своего спасения, — это зажмуриться.

## *Евгения Михайлова*

Под Ириной лед, вокруг темнота и слепота, она боится шевельнуться, чтобы не почувствовать острую боль какого-то перелома. Когда открыла глаза, увидела рядом с собой темные фигуры и едва сдержала крик страха. Это ее вечная фобия: она совсем беспомощна, а они уже тут, какие-то опасные и беспощадные враги.

— Девушка, с вами все в порядке? — произнес вполне приятный мужской голос. — Сможете встать или надо вызвать «Скорую»?

— Я пока не знаю, — прошептала Ирина.

— Тогда давайте попробуем.

Сильные руки осторожно подняли Ирину, помогли зафиксироваться на ослабевших ногах. Все немного ныло, но острой боли не было. Кто-то накинул ей на голову слетевший капюшон. Кто-то собирал ее продукты, разлетевшиеся из пакетов. И она уже смотрит на спасителей своими темными, постоянно тревожными глазами сквозь горячую и соленую пелену благодарности. Неужели это просто нормальные, хорошие люди... Неужели опять пронесло? И переломов точно нет?

— Спасибо вам, — сдержанно произнесла она. — Если честно, то я ужасно перепугалась. А так — вроде все на местах.

Ирина ощущала присутствие рядом с собой нескольких человек как поддержку и защиту. Но она еще не была в состоянии хотя бы рассмотреть их лица.

— Вы далеко живете? — произнес уже знакомый голос.

— Нет, я сюда хожу пешком. Мой дом там, за школой.

— Не так чтобы очень близко, — произнес голос. И Ирина увидела, что рядом с ней остался один собеседник. — А пакеты ваши довольно тяжелые. Разрешите помочь? Меня зовут Алексей.

— Меня Ирина. Спасибо большое, но я справлюсь. Привыкла. А навьючиваюсь, чтобы реже ходить в магазин. Ненавижу это занятие вообще-то.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Вот стоит моя машина, мы просто сократим ваши мучения. До вашего дома минуты две. И мне будет спокойнее. Гололед вообще-то везде.

Ирина неуверенно кивнула, он взял ее пакеты, велел ей держаться за его локоть, они дошли до его машины. И две минуты пути Ирина напряженно думала, что сказать, если он захочет занести ее продукты в квартиру. Как мило отказать, как не обидеть, как быстро уйти и при этом не загреметь

## *Евгения Михайлова*

на скользкой плитке у подъезда. Она показала, где остановиться.

Получилось все быстро, непринужденно и легко. Алексей взял с заднего сиденья ее пакеты, довел до двери подъезда, вручил Ирине ее ношу и достал из кармана маленькую карточку.

— Это мой телефон на всякий случай. Пусть будет у вас. Вдруг что-то понадобится. Например, доехать в тот же магазин или из него домой. Не стесняйтесь. Я простой человек, а вы, как мне кажется, непростая и необычная девушка. Буду рад, если наше знакомство продолжится.

— Да, — нерешительно произнесла Ирина. — Еще раз огромное спасибо.

Он легко коснулся ее плеча на прощание, а она наконец сумела рассмотреть его. Сухощавое, интеллигентное лицо, внимательные серые глаза, красивые волнистые русые волосы. Каким же чуделом, наверное, выглядит сейчас она сама — растрепанная, с перекошенным от потрясения лицом и воспаленными глазами. Ирина была самокритичной в степени диагноза.

В прихожей она бессильно опустилась на табуретку у вешалки. С трудом выпуталась из куртки, положила на пол рядом с пакетами, достала из ее кармана карточку и прочитала: «Алексей Ермилов,

эксперт-консультант международной ИТ-компании...»  
И название, которое Ирине ни о чем не говорило.

После теплой ванны она пересчитала свои синяки. У нее нежная кожа, они появляются и в менее опасных ситуациях. Она озабоченно проверяла, какого рода боль возникает при надавливании. Боль противная, конечно, но все же ни серьезных гематом, ни переломов, ни растяжений. Пройдет само.

На кухне Ирина разложила принесенные продукты. Есть не хотелось. Она взяла маленький стаканчик смузи, задумчиво съела. Затем вернулась в прихожую, проверила, закрыла ли входную дверь на все обороты. Она не забыла: это просто ритуал для подтверждения мифа собственной защищенности. Вошла в спальню для того, чтобы опустить жалюзи, и постояла у окна, разглядывая блеск обледенелого асфальта между сугробами. Это даже красиво с высоты пятого этажа: черный бриллиант и белый жемчуг в разводах темных трещин под пятой мороза. И обнаженные, окоченевшие ветки деревьев, в молчаливой тоске взывающие к небу.

Гололед. Для кого-то временное явление природы и чья-то бесхозяйственность. Для Ирины судьба.

Ей ничего не нужно вспоминать. Она постоянно видит, как освещенные окна в темноте, одни и те



## *Евгения Михайлова*

же события своей жизни с очень раннего возраста. Горячие мамины руки ее одевают, кормят. И они очень часто дрожат, эти руки. Особенно когда к ним приближается грозное, темное облако. Это отец. Ира совсем не помнит его лица, только свой и мамин страх. Она видит себя, сжавшуюся в комочек под столом, а по полу к ней тянутся алые струйки. Ей тогда было три года. Пройдет немало лет, и она узнает, что той ночью отец убил ее мать. Ей об этом рассказали в детдоме.

Следующее яркое пятно прошлого. Воспитательница заплетает ей косички и говорит своим громким, деревянным голосом:

— Ты должна все время понимать, как тебе повезло. Не всем сиротам выпадает такое счастье. Тебя берут в семью. Приличные люди, не бедные. Надо стараться, слушать их, угождать, чтобы не вернули. Пока тебя выбрали просто потому, что ты симпатичнее других. Но для того чтобы тебя полюбили, они должны видеть твою благодарность.

...Через неделю Иру вынесли из дома «приемных родителей» в окровавленном одеяле. Соседи выбили дверь на ее крик, вызвали полицию. В больнице ей тогда не объяснили, что с ней делал новый «папа». Только нянечка перед операцией шепнула:

— Терпи, детка. Поболит — и пройдет. Тебя всю порвали, нужно зашить.

Ира поняла, о чем шла речь, уже подростком. А тогда ей было всего пять.

Она уже стала воспринимать детдом как свое единственное убежище, но за ней опять пришли. Она была симпатичной, доброй и покладистой. Она нравилась тем, кто приходил выбирать.

...Десятилетняя Ира, растерянная и перепуганная, идет между двумя людьми, которых видит второй раз в жизни. Мама Валя и папа Петя улыбаются. Они красиво одеты, у них свой дом в Подмосковье, у Иры отдельная комната и новая одежда... Она ходит в школу, получает пятерки, а одноклассники дразнят ее «дикаркой». Потому что она шарахается от всех, как прокаженная.

И была такая же морозная ночь, и так же сверкал лед на дороге, когда Ира разбила окно своей комнаты на втором этаже, прыгнула в сугроб, уцелела и побежала по скользкой дороге в разорванной ночной рубашке куда глаза глядят. На склоне темноту вдруг осветила ее собственная резкая боль, она услышала хруст костей, и все исчезло. Ее нашли какие-то люди уже утром, обмороженную, с переломанными лодыжками.

## *Евгения Михайлова*

А дальше поток тусклых кадров, полустертых ее осознанной волей. Ира приобрела опыт защиты себя от того, что помнила. Она научилась стирать информацию из своей памяти. Ее без конца осматривают и расспрашивают люди в белых халатах. И вновь пройдут годы, прежде чем Ира решится сознательно и отчетливо восстановить все, что произошло с ней в доме приемных родителей. Где папа Петя ее садистски насиловал каждую ночь, а мама Валя наблюдала.

Иру вернули в детский дом, ей было уже двенадцать. Ей некуда было деться от постоянных унижений и оскорблений других детей, которым «не повезло»: они не были настолько симпатичными, чтобы их взяли в семьи. Они, конечно, все узнали и мстительно издевались. А ей опять повезло, и на этот раз без кавычек. Врач детдома добилась ее удочерения и честно объяснила свои мотивы:

— Мне нужна надежная помощница в уходе за парализованным отцом. Тыходишь: старательная, спокойная, разумная. Я тебя всему научу. Думаю, мы поладим и привыкнем друг к другу.

Ира вошла в ее квартиру и сразу наткнулась на пристальный, зовущий и все понимающий взгляд необыкновенно живых глаз на неподвижном, почти мертвом лице. Отец новой мамы

Лиды был полностью парализован, до последней мышцы. И при этом он сохранил удивительную ясность ума, уникальную память, яркую, страстную эмоциональность. Редчайший случай. Так у Иры появился самый близкий и по-настоящему родной человек. Они были счастливы, разговаривая часами. Он говорил с трудом, она не сразу научилась его понимать. Но очень скоро ей стало легче говорить с дедом, чем маме Лиде. Она как будто слышала его мысли до того, как он их озвучивал. Ира смеялась его шуткам, он в уме решал ее школьные задачи. Дедушка Яша однажды признался своей неожиданной внучке, что больше не зовет смерть, он хочет жить и видеть, чувствовать ее рядом.

Встреча с ним стала для Ирины озарением на всю жизнь. Его уход — самой трагической потерей. Они с Лидой прожили в одной квартире еще несколько лет. В девятнадцать Ирина поступила в институт и перешла жить в общежитие. Они с Лидой были честными людьми, семьей не стали, но старались не мешать друг другу и помогать в случае необходимости.

Ира вернулась в эту квартиру после смерти Лиды от рака. И здесь ее встретили тепло, свет и мудрость дедушки Яши. Этого достаточно, чтобы

## *Евгения Михайлова*

легче переносить и свою обделенность, и новые невзгоды.

Дом у них очень теплый, топят хорошо. Перед сном Ирина даже открывает окно, чтобы впустить немного морозной свежести в свой уют. Только у себя она и способна примириться с зимой в принципе. Перед тем, как лечь, она достала из шкафа пушистый легкий плед и положила поверх одеяла. Тепла много не бывает. А этим вечером ее еще немного знобило — не от простуды, а от какого-то неясного волнения. Да что тут лукавить с самой собой: она в смятении, как девчонка, из-за того, что пообщалась с мужчиной, которого нашла очень привлекательным. Более того, он показался ей не опасным, что важнее всего. Ирине скоро исполнится тридцать восемь лет, она преподаватель на кафедре психологии университета, ее все считают сильным профессионалом и замкнутым, даже высокомерным человеком, о личной жизни которого ничего не известно. Так успешно она прячет свой главный секрет: ничего из того, что люди называют личной жизнью, у нее нет и не может быть. Она исключила для себя доверительные контакты: они невозможны без посторонних прикосновений к незаживающим ранам, тайнам души и тела. Только не мужчина, которому слишком многое пришлось

бы объяснить, будучи в полной уверенности, что он не поймет. Только дедушка Яша все понимал, и для одной тяжелой судьбы — это подарок, какого хватит навсегда.

Впрочем, одно исключение в жизни Ирины было. Это коллега и единственная подруга Марина. Никто не способен так четко и ясно, как Марина, все расставить по местам и на каждую проблему повесить этикетку с названием и ценой вместе с инструкцией по применению.

— Страшные, постыдные тайны и уникальная боль бывают такими лишь для своего обладателя, — говорит Марина. — Ты же специалист и должна понимать, что все острые проблемы рождает лишь наша эмоциональность. Нужно просто постараться разорвать путы своего плена и выйти к другим людям освобожденной, не закомплексованной. И увидеть, что подобные трудности можно найти у каждого. Собственно, ковыряться в чужих тайнах и есть наша работа.

Марина считает Иру очень привлекательной внешне. И похоже, что она не лукавит. Ирина подошла к зеркалу и, как всегда, критично и тревожно посмотрела на свое отражение. Она осмотрела довольно полную, но вполне пропорциональную фигуру. Круглое лицо с хорошей, чистой, смугло-

## *Евгения Михайлова*

ватой кожей. И большие карие глаза. Все вроде ничего. Но этот смятенный, неуверенный, даже затравленный взгляд, который так и не стал взрослым. Из-за своего обнаженного взгляда Ирина на работе носит большие очки с простыми стеклами.

Ирина безразлично отвернулась от своего отражения. Что такое привлекательность, женская прелесть и обаяние, она знает точно. Это Марина. Они ровесницы, но у Марины уже есть девятнадцатилетний сын, а выглядит она настолько юной, что и возраст, и сын, и стаж работы кажутся мистификацией. Редкая генетика.

### **ЗНОЙ**

Рано утром Марина проснулась оттого, что в коридоре горел свет, а в ванной шумел душ. Она опять закрыла глаза и спокойно ждала, когда ее губ коснется свежий и прохладный поцелуй.

— Не могу открыть глаза, — шепнула она. — Сон досматриваю.

— Спи, дорогая, не беспокойся, — произнес ласковый голос Григора.

— Ты поешь. — Марина взглянула на его лицо. Оно всегда выражало неуверенность и обожание,